

8
Д.Х.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

72 6

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

5

1950

СОДЕРЖАНИЕ

Пять лет победы над фашистской Германией	3
СТАТЬИ	
Самсонов А. — Великое Сталинградское сражение	16
Лапин Н. — Англо-американские фальсификаторы истории второй мировой войны	37
Нарочницкий А. — К вопросу о японской агрессии в Корее и причинах японо-китайской войны 1894—1895 гг.	61
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Пьянков А. — О периодизации истории феодальных отношений в России	77
Иванов П. — К вопросу о «просвещённом абсолютизме» в России 60-х годов XVIII века	85
СООБЩЕНИЯ	
Альперович М. — Империалистическая политика США в Мексике в 1913—1914 гг.	100
Карасик А. — Древнейшая Болгарская летопись	114
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ	
Мизиано К. — Годовщина революции 1848—1849 гг. в Италии и основные течения её новейшей историографии	119
РЕЦЕНЗИИ	
История СССР	
Степанов Н. — История Якутии. Т. I	134
Погребинский А. — Ф. А. Романов. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции	139
Монгайт А. — Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II	142
Всеобщая история	
Вобликов Д. — Ф. Фонер. История рабочего движения в США от колониальных времён до 80-х годов XIX века	145
Архангельский С. — Доброе старое дело. Английская революция 1640—1660 годов	149
БИБЛИОГРАФИЯ	
Богданов В. — Генералиссимус Александр Васильевич Суворов	152
ХРОНИКА	
Львова В. — К 80-летию со дня рождения В. И. Ленина	154
Коробочко А. — Научная работа исторических кафедр Гомельского государственного педагогического института имени В. П. Чкалова	155
ЗА РУБЕЖОМ	
Частухин ² И. — Состояние исторической науки и научных учреждений в Корейской народно-демократической республике	156

От редакции

В номере 4 журнала «Вопросы истории» за 1949 г. была опубликована информация (стр. 156—158) о сессии Института истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР. В информации, составленной заведующим сектором истории Н. Моховым, и присланной в редакцию директором Института тов. И. Чебаном, указывалось, что на сессии по докладу Н. Мохова «Вопросы периодизации истории Молдавии» было высказано мнение, что не следует говорить о национальном угнетении молдавского народа царизмом и что это мнение защищал, в частности, кандидат исторических наук Н. Березняков.

Н. Березняков представил в редакцию материалы, свидетельствующие о том, что его выступление было изложено Н. Моховым неправильно и что указанное выше мнение Н. Березняков не разделяет.

В № 4 за 1950 г. на странице 114, строка 5 снизу, нужно читать: «начиная с 1848 г...»

Радакционная коллегия:	П. Н. Третьяков (главный редактор), И. М. Волков, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, М. Д. Каммари, А. И. Ковалевский, С. Ф. Найда, А. Д. Никонов, Б. К. Рубцов, А. Л. Сидоров, А. Д. Удальцов.
------------------------	---

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647		Тел. Д 3-31-01	
А — 04342.	Изд. № 418.	Заказ № 1300.	Тираж 33 500 экз.
Подписано к печати 13/VI 1950 г.		10 печ. л.	68 000 печ. зн. в печ. л.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.			

П. Иванов

К ВОПРОСУ О «ПРОСВЕЩЕННОМ АБСОЛЮТИЗМЕ» В РОССИИ 60-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Вопрос о русском «просвещённом абсолютизме» 60-х годов XVIII в. у дореволюционных русских историков, естественно, не нашёл сколько-нибудь удовлетворительной разработки. В работах советских историков до сих пор имеются лишь отдельные, разноречивые суждения по этому вопросу. Так, например, проф. Г. А. Новицкий определяет внутреннюю политику Екатерины II в 60-х годах XVIII в., как политику «маневрирования в крестьянском вопросе», он считает, что «либерализм» Екатерины II являлся «прикрытием чисто крепостнической внутренней политики», будучи одновременно и «либеральной фразой» и «препятствием в постановке вопроса о сколько-нибудь существенных реформах»¹. Проф. П. И. Лященко не анализирует содержание «либерализма» в политике самодержавия второй половины XVIII в., он останавливается лишь на результатах деятельности правительства Екатерины II: на военных и дипломатических успехах «просвещённого абсолютизма», а также на роли дворянской диктатуры, которая «в царствование Екатерины II привела к ещё большему укреплению крепостнических прав, личных и служебных привилегий дворянства, к усилению закабаления трудящихся масс населения»². По мнению проф. Н. М. Дружинина, «просвещённый абсолютизм» 60-х годов XVIII в. во внутренней жизни России представляет собой такую политику дворянского государства, когда оно «не только усиливало политику репрессий, но и пошло на частичные уступки» народу³.

Разноречивость мнений, представленных в литературе только общими утверждениями, ставит вопрос о специальном выяснении существа предмета. Автор предлагаемой статьи пытается в известной мере исследовать конкретное проявление «просвещённого абсолютизма» 60-х годов XVIII в. в России.

В. И. Ленин, останавливаясь на эволюции государственного строя России XVII—XVIII вв., указывал, что «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещённого абсолютизма»⁴. Главная функция любого государства в классово-антагонистическом обществе, учит И. В. Сталин, состоит в том, «чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства»⁵. Выяснить вопрос о существовании «просвещённого абсолютизма» в России 60-х годов XVIII в.— значит проследить проявление этой главной функции самодержавного аппарата в условиях 60-х годов XVIII века.

В связи с формированием капиталистического уклада в недрах феодального строя господствующий класс и выражавшее его интересы крепостническое государство из года в год усиливали эксплуатацию и увеличивали политическое бесправие народных масс. К этому периоду вполне применимы слова В. И. Ленина о том, что фактически крепостное право принимало такие «грубые формы», что «ничем не отличалось от рабства»⁶. Угнетённые массы протестовали против возрастающего крепостнического гнёта «как умели и как могли»⁷.

* Курский педагогический институт.

¹ «История СССР» Курс лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б), стр. 88—90 М. 1945, стр. 637—639 1946

² П. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I, стр. 409. 1947.

³ Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. Журнал «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 94, 96—98, 105. См. также журнал «Вопросы истории» № 4 за 1949 г., стр. 150.

⁴ В. И. Ленин Соч. Т. 15, стр. 308 4-е изд.

⁵ И. Сталин Вопросы ленинизма, стр. 604 11-е изд.

⁶ В. И. Ленин Соч. Т. XXIV, стр. 367 3-е изд.

⁷ В. И. Ленин Соч. Т. 6, стр. 384. 4-е изд.

В 60-е годы XVIII в. борьба народных масс с господствующим классом проявлялась в самых разнообразных формах, начиная с «ворожения» и кончая убийствами господ и восстаниями, которые на языке представителей господствующего класса и властей назывались «разбоями», «непослушаниями» и т. п.⁸

Рассматривавшиеся в 1763 г. Сенатом челобитные помещиков были наполнены жалобами на «непослушание» крестьян⁹. Несколько позже Клинштет, подводя итоги прокурорским ответам на «экономические вопросы» Вольного экономического общества, писал, что «из всех почти мест произошли жалобы о нерадении крестьянства»¹⁰. Одной из наиболее ярких форм пассивной борьбы народных масс было бегство. Учитывая огромное количество законодательных актов, посвящённых бегству в 60-х годах XVIII в., нельзя не заключить, что в это время действительно было «немалое число», «множество беглых»¹¹.

Несмотря, однако, на распространённость пассивных форм борьбы, преобладали активные выступления крестьян, такие, как поджоги¹², покушения, часто кончавшиеся убийствами феодалов и их приказчиков, массовые возмущения, для подавления которых применялась военная сила.

Екатерина II отмечала в своих «Записках», что в первые годы её правления «восстало около двухсот тысяч крестьян», «работавших на заводах» и «принадлежавших монастырям», и что эти волнения распространились и на помещичьих крестьян, которые «во многих уездах... переставали подчиняться и платить повинности своим владельцам»¹³. В других местах «Записок» она называет следующие цифры: приписных крестьян, находившихся «в явном ослушании»,— 49 тыс.; монастырских и помещичьих — «до полтора ста тысяч»¹⁴; отдельно монастырских, «взвзавшихся за оружие»,— «более ста тысяч»¹⁵. Бесспорно, эти данные относятся к крестьянам, бывшим в «явном ослушании и открытом бунте», против которых применялось «оружие и даже до пушек»¹⁶. Крестьян же, не подчинившихся непосредственным владельцам и властям, было значительно больше.

Говоря о «непослушаниях» властям приписных и духовных крестьян, Екатерина II называет «почти всех» крестьян этих категорий¹⁷. «Почти все» приписные и духовные крестьяне имелись в виду и в издаваемых по поводу «непослушаний» законодательных актах. Так, например, в именном указе от 9 апреля 1763 г. говорится о «многих дошедших» «известиях» «о возмущении крестьян приписных к разным рудничным заводам»¹⁸; Комиссия, учреждённая «о смирении приписных к заводам крестьян», имела «рассмотрение о всех приписных к заводам крестьянах»¹⁹, «о всех вообще и ко всем заводам приписных»; «...от многих.. архиерейских и монастырских властей,— отмечал Сенат в одном из своих указов,— всегдашние на крестьян их жалобы происходят, так как «онные», крестьяне, «находятся в непослушаниях и противностях»²⁰.

«Бунга всех крепостных (помещичьих.—П. И.) деревень» опасалась Екатерина II в 1767 году²¹. В большом количестве законодательных актов 60-х годов XVIII в. отражены возмущения крестьян и крепостных людей против помещиков. В них постоянно

⁸ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Сиск. приказ, оп. 372.1, в 254, д. 254, лл. 1—18, Розыск экспедиция, оп. 373.1, в 7, д. 94, л. 16; в. 10, д. 132; в. 58, д. 891; в. 46, д. 692; в. 45, д. 604; в. 51, д. 789; в. 11, д. 144 и др.

⁹ «Труды» Вольного экономического общества (ВЭО) Т. 16, стр. 237, 239.

¹⁰ ЦГАДА. Р. 10, д. 450, кн. 1, лл. 379, 383

¹¹ Полное Собрание Законов (ПСЗ) Т. XVI, № 11919, 12266; т. XVII, № 12796; В. Семевский Крестьяне Т. 1 стр. 435—443. 1881.

¹² ЦГАДА Розыск экспед., оп. 373.1, в 20, д. 302, в. 26, д. 369; в. 8, д. 104 и др.; сб. Русского исторического общества (РИО) Т. X, стр. 178—179.

¹³ «Записки имп. Екатерины II», стр. 583. СПб. 1907.

¹⁴ Там же, стр. 642.

¹⁵ Сб. РИО Т. X, стр. 37.

¹⁶ Там же Т. XXVII, стр. 174.

¹⁷ Там же, стр. 170; т. 10, стр. 32—33, 37.

¹⁸ ПСЗ. Т. XVI, № 12085

¹⁹ Там же Т. XVII, № 12684, п. 11.

²⁰ ПСЗ Т. XVI, № 11869

²¹ «Осмнадцатый век», кн. 2-я, стр. 300. 1869.

Таким образом, «различные канцелярии» при наказании помещичьих и других крестьян, проявлявших своим господам, руководствовались исключительно волею господ, требовавших жестоких расправ за малейшее непослушание. Полиции предписывалось — она так и поступала — беглых ловить, «вещадно» наказывать и возвращать владельцам³³.

Одним из средств борьбы с побегам было введение печатных паспортов, которые выдавали воеводы и губернаторы отходящим «в работу обывателям». Это делалось, как говорится в одном из указов, «...для предосторожности... для искоренения воровских паспортов и удержания крестьянства от побегу»³⁴.

Крестьяне обходили эту меру нового насилия, приобретая фальшивые отпускные. Повидимому, такие документы получили большое распространение, так как во многих указах специально разработана система суровых наказаний авторов «воровских отпускных». «...Про... воровские (отпускные.— П. И.) следовать накрепко, кем оные учинены и ежели дойдёт до пытки, то пытать, — читаем в одной «выписке из дел» Московской губернской канцелярии за 1764 г., — буде сыщется, что отпускные подлинно воровские и составные, то тем беглым и тем, кто такую воровскую отпускную составил, чинить наказание: бить плетьюми и писать в службу...»³⁵.

«Неизбежным наказанием по всей строгости указов» грозило правительству задержание беглых³⁶. Ещё более строго поступали с укрывателями таковых. «Когда разбойники и воры пойманы будут, — говорится в указе от 10 февраля 1763 г., — то в первых... расспросах стараться с крайнею прилежностью сыскивать становщиков и пристанодержателей их, где они укрывались, ибо таковые злодеи вреднее самых злейших разбойников тем, что, когда становщиков и пристанодержателей искоренить, тоб и разбойники сами по себе истребились, не имея нигде прибежища своего»³⁷.

И «сыскивали» действительно «с пристрастием». Малоярославецкой воеводской канцелярии в 1764 г. стало известно, что в Малоярославецком уезде дьячок А. Иванов «пристань беглым разным людям держит». «И того же... дня для искоренения и поимки пристанодержателей и беглых в Малоярославецкий уезд... к дьячку послан был солдат М. Фёдоров с командою по инструкции, которым велено ехать тот час, в самой крайней скорости, дённо и пошно, взяв с собою... оружие, приехав... беглых... и беспаспортных переловить и как его, дьячка, так и оных привести в оную канцелярию в скорости (было захвачено три человека)³⁸.

Не менее жестокими были расправы с крестьянами-«ослушниками». Воинским командам, отправляемым для подавления выступлений крестьян (Алексинский и Кашинский уезды), Сенат предписывал: если после «увещания» «ослушники» не придут «в послушание», то заставить их «вступить в работы», а при оказании «противностей» поступать, как с «неприятелями», «злодеями», т. е. «военною рукою»³⁹.

Но жестокие расправы с «ослушниками» не прекращали выступлений «подданных» против своих господ. Для поддержания «порядка» требовались ещё какие-то меры. Потребность в новых мерах для поддержания «порядка» свидетельствовала о возраставании классовых противоречий.

В 60-е годы XVIII в. были выработаны новые меры: ссылка «ослушников», дополненная каторгой и запрещением «подданным» жаловаться на своих господ. Цель этих мер очевидна: обезглавить выступления народных масс путём удаления из их среды наиболее активных элементов.

Полагаем, что именно так следует рассматривать известные законодательные акты 60-х годов XVIII века Установившиеся в исторической литературе объяснения этих актов, особенно указа 1760 г., нуждаются в коренном пересмотре. Указ от 13 декабря 1760 г. был издан правительством потому, утверждали историки, что правительство, исходя из «государственных интересов», «руководствовалося необходимостью каким бы то ни

³³ ПСЗ Т. XVI, №№ 11587, 12003, 12266.

³⁴ Там же, №№ 11708, 12123.

³⁵ ЦГАДА. Розыскн. экспед. оп., 373/1, в. 10, д. 131, л. 15.

³⁶ ПСЗ, т. 18, №№ 12352, 12422, 12968, 13134

³⁷ ЦГАДА. Розыскн. экспед. оп., 373/1, в. 2, д. 29, л. 20.

³⁸ ЦГАДА. Розыскн. экспед. оп., 373/1, в. 7, д. 94, лл. 1—23.

³⁹ ЦГАДА. Р. 16, д. 728, л. 2; 1-н ДС. 199/3770, д. 10, л. 248 1757 г.

было образом заселить эту обширную страну» (Сибирь. — П. И.)⁴⁰. Мы считаем неверной такую трактовку указа от 13 декабря 1760 г «О приеме в Сибирь на поселения от помещиков, дворянских, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачётом их за рекрут, и о платеже из казны за жён и детей обоего пола тех отправляемых крестьян по назначенной в сём указе цене»⁴¹.

В тексте указа его издание обосновывается желанием правительства заселить «к поселению и к хлебопашеству весьма удобные места» Сибирской губернии, Иркутской провинции и Нерченского уезда. Как будто «государственный интерес» ссылки заключался в стремлении заселить плодородные и удобные для жизни места! Нельзя не отметить лживости характеристики, которую правительство давало Сибирской губернии, Иркутской провинции и Нерченскому уезду, как мест к «поселению и к хлебопашеству весьма удобных». Разоблачить лживость такой характеристики ссыльных мест нетрудно при помощи государственных документов того времени. В ряде законодательных актов из года в год Сибирь, особенно Иркутская провинция и Нерченский уезд, характеризуются как «малохлебородные», «пустые», «бесхлебные» и «во всём к содержанию потребном недостаточные места»⁴².

Сдача на поселение была экономически выгодна для владельцев «людей и крестьян»: за душу мужского пола в возрасте свыше 15 лет владелец получал рекрутскую квитанцию: до 15 лет — 20 рублей, до 5 лет — 10 рублей; за членов семьи женского пола — «вполю» (половину). Правительство было заинтересовано в заселении Сибири и развитии Нерченских заводов⁴³. Однако основной «государственный интерес» ссылки заключался не в заселении Сибири или в обеспечении экономической выгоды владельцев крестьян. Существо этой меры раскрывается самым указом, а также поясняющими его архивными и опубликованными материалами.

Указ требовал ссылать «непотребных и вредных обществу людей» Что подразумевалось под непотребностью и вредностью, кого зачислял указ в эту категорию, особенно чётко раскрывается в том месте указа, где речь идёт о помещичьих людях и крестьянах.

«Кто из помещиков, — говорится в этом законодательном акте, — пожелает своих людей и крестьян, также и женск. пол, которые вместо должных по своим званиям услуг воровством, пьянством и прочими непристойными продерзостными поступками, многие вред, разорении, убытки и беспокойства причиняют и другим, подобным себе, наивышшие к таким же вредным поступкам примеры подают, таковых за оные непотребства... отдавать к объявленному поселению...».

Таким образом, предлагалось ссылать наиболее активных в классовой борьбе представителей народных масс.

Архивные материалы, относящиеся к Московской губернии⁴⁴, показывают, что помещики этой губернии, широко пользовавшиеся правом ссылки, как правило, ссылали в Сибирь «чинивших непослушание», «неоднократные побегии», не выполнявших господские и казённые повинности, «других людей к воровству и прочим продерзостям научивающих и приводящих», «неоднократно наказанных» «домовыми» средствами и в канцеляриях, к «воздержанию никаких надежд неимеющих» и т. п.; ссылаемые были преимущественно в возрасте 20—35 лет⁴⁵.

Нетрудно видеть, что эта мера была призвана удалить из центра империи наиболее активных в классовой борьбе представителей трудящихся и таким образом обезглавить протестующий против возраставшего крепостнического гнёта народ. По словам новгородского губернатора Сиверса, едва одна четверть сосланных достигала «к хлебопаше-

⁴⁰ В Семейский Указ соч., стр. 59; П. Любомиров. Крепостная Россия XVII—XVIII веков, Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 36, ч. III, ст. 631—633; Г. Плеханов Соч Т 21, стр. 258—259.

⁴¹ ПСЗ. Т. XV, № 11166.

⁴² Там же. Т. XVI, №№ 11630, 12075, 12145; т. XVII, № 12345.

⁴³ Там же. Т. XVI, № 11632, т. XVII, № 12469, т. XVIII, № 12748, гл. 1, п. 1.

⁴⁴ Московская губерния 60-х годов XVIII в. охватывала полностью или частично территории нынешних Московской, Калининской, Ярославской, Костромской, Ивачовской, Рязанской, Тульской и Смоленской областей Сб. РИО Т IV, стр. XXVII, Административно-территориальное деление союзных республик на 1/I 1941 г. Москва. 1941.

⁴⁵ Мособлархив, ф. МГК, оп. 132, в. 1767, дд. 11, 44, оп. 133, в. 1768, л. 65; оп. 314, в. 1965, д. 40, оп. 131, в. 1766 д. 18, оп. 132, в. 1767, дд. 11, 16, 33, 39, 43, 44, 55, 74, 79, 84, 97, 103, оп. 133, в. 1768, дд. 21, 30, 44, 52, 65, 73, и мн. др.

ству весьма пригодных мест»⁴⁶. Свидетельство Сиверса вполне правдоподобно, и не только потому, что Сиверс не был заинтересован сгущать краски, но и потому, что «подданных» ссылали в негодной одежде и обуви, чем обречали как на всевозможные лишения в пути, который длился почти два года, так и на гибель. Приведём ещё одно свидетельство, также принадлежащее представителю господствующего класса «Из присылаемых за продрозости в Сибирь в работу,—писал сибирский губернатор в донесении Сенату,—многие являются за старостями и дряхлостями, а другие, хотя и летами молодые, но, будучи ведены, ознабливают руки и ноги. равным образом и из взятых в зачёт рекрут, присылаемых на поселение, которые от того ни в какую работу и на поселение остаются неспособными...»⁴⁷.

К сожалению, у нас нет точных сведений о количестве сосланных в Сибирь. Но некоторое представление о нём позволяет составить тот факт, что через Казань ежегодно (до 1769 г.) проходило ссылаемых в Сибирь 700—1000 человек, отправляемых в вечную ссылку, и 500 человек — на поселение⁴⁸. В большинстве эти тысячи «кошунников» гибли, не достигая места ссылки.

Итак, можно утверждать, что ссылка была обусловлена потребностью господствующего класса (преимущественно центра империи) в том, чтобы при экономически выгодных для помещиков условиях удалить, что было почти равносильно истреблению, наиболее активных представителей трудящихся и тем самым обезглавить протестующие народные массы. В этом заключалось основное существо «государственного интереса» рассмотренной меры.

Эту же цель преследовал и указ от 17 января 1765 г., по которому помещики получили право, «насколько похотят», «людей своих, по продрозостному состоянию заслуживающих справедливое наказание», для смирения отдавать «в тяжкую (каторжную) работу»⁴⁹.

Жестокость всех этих мер наведения «порядка» усугублялась тем, что их выполнение зависело только от воли господ, на произвол которых крестьяне не могли даже жаловаться. За «утруждение» её императорского величества «недельными» челобитными указ от 12 июля 1762 г. грозил каторгой и плетьми; изданный в подтверждение многих ранее известных указов и неоднократно подтверждаемый в 60-е годы XVIII в. он действовал вплоть до зловещего указа от 22 августа 1767 года⁵⁰.

В целях усиления борьбы с протестующим народом правительство продолжало укреплять все звенья государственного аппарата, особенно низовые. Это делалось, во-первых, уже известным ранее путём — путём насыщения административного аппарата дворянами и запрещения доступа в него не дворянам⁵¹; во-вторых, путём награждения и повышения по службе только проявивших «верную и беспорочную службу»⁵² и, наконец, путём более или менее широкого отращения от дела и строгого наказания «нерадивых, но паче пренебрегающих свою должность» лихоимцев и взяточников⁵³.

Усиление жестокости мер по поддержанию «порядка» и укрепление государственного аппарата подтверждают, что никакие драконовские средства не смогли приостановить увеличившегося сопротивления народных масс возраставшему крепостническому гнѣту, и объясняют, почему правительство прибегает к новым мерам, также направленным к сохранению господствующего строя.

Законодательные акты 60-х годов XVIII в., особенно объявляемые «во всенародное известие», насыщены заявлениями о том, что государственная власть и сама венценосная особа преисполнены «правосудия», «великодушия», «милосердия», «любви и верности к отечеству», забот о «блаженстве верноподданных», «материнского попечения» «обо всѣм народе» и т. п.⁵⁴. Это «блаженство всего народа» якобы могло наличествовать при следующих условиях. «...Благосостояние государства (страны — П II) — говорится в одном из именных указов,—согласно божеским и всенародным узакон-

⁴⁶ В Семейский И. Указ. соч., стр. 160—161.

⁴⁷ ПСЗ. Т. 18, № 13053.

⁴⁸ Там же, № 13362.

⁴⁹ Там же. Т. 17, № 12311.

⁵⁰ Там же. Т. 16, № 11606, т. XVII, № 12316, т. XVIII, № 12966.

⁵¹ ПСЗ. Т. XVII, №№ 12465, 12723.

⁵² Там же. Т. XVI, №№ 11769, 11772, 11892 и мн. др.

⁵³ Там же. Т. XVII, № 12894, т. XVII, №№ 12781, 12537 и др.

⁵⁴ Там же. Т. XVI, №№ 11584, 11639, 12259 и др.

ниям, требует, чтобы все и каждый при своих благонажитых имениях и правах сохраняем был, так как и напротив того, чтобы никто не выступал из пределов своего звания и должности...»⁵⁵.

Больше того, к пресечению выступлений трудящихся «из пределов своего звания и должности», по словам правительства, оно было вынуждено прибегать из-за «легковерия», «незнания законов» народом⁵⁶; но, «соболезнуя» народу, правительство заверяет, что всегда стремится предотвратить «напрасное кровопролитие»⁵⁷, руководствуясь «не строгостью законов (которая всегда будет крайностью и последнее от нас (от государя — П. И.) преступникам оных исправления), но прямым соболезнованием о них и милосердием...»⁵⁸.

В ряде фактов «милосердия», особенно популяризовавшихся правительством, были: введение ускоренного решения дел о колодниках и «увещиваний» для «тех, кои дойдут до пытки», а также запрещение производить пытки в приписных городах и предписание поступать при пытках «с крайней осторожностью и рассмотрением» тем административным местам, где пытки разрешались (начиная с провинциальных и губернских канцелярий).

Нужно отметить, что правительство строго требовало от всех инстанций соблюдения «законного порядка в сем производстве»⁵⁹. Некоторые ограничения, введённые при применении пыток, выдавались, разумеется, правительством за акт милосердия и вызывали известные иллюзии о великодушии и милосердии, маскируя истинные стремления государственной власти. Вводя эти меры, правительство руководствовалось далеко не человеколюбивыми намерениями.

«Великое число... во всём нашем государстве содержится в острогах, в тюрьмах и прочих местах под караулом разного звания колодников...»⁶⁰, — констатировалось в манифесте от 10 февраля 1763 г. «О порядке производства уголовных дел». Генерал-прокурор Вяземский в 1766 г. «из присланных к нему от прокуроров рапортов усмотрел: во многих присутственных местах колодников пред прежним умножается...»⁶¹.

Увеличение количества колодников, по мнению правительства, происходило «от лескорого решения дел», «от продолжения решения» о них⁶². Это, говорится в именном указе от 10 февраля 1763 г., вело к тому, что «сии злодеи... находясь долговременно под караулом, изыскивают способы к побегам, разбивают тюрьмы и остроги; а некоторые, будучи и на связках, уходят от приставников, подвергая оных крайнему несчастию, сами ж обращаются на прежние свои злодейства с вьщим устремлением...»⁶³.

Устранить возможность бегства колодников предполагалось при помощи ускорения решений дел о них, «объявляя, что истинное их признание в винах избавит их при распросах от истязаний и пыток», «показавшим справедливо... не чиня не только пыток, ниже пристрастных распросов»⁶⁴; а «когда дело неминуемо дойдёт до пытки», поступая в таком случае «с крайней осторожностью и рассмотрением...»⁶⁵.

Ускорение решения дел о колодниках, ограничение пыток не выражали стремления смягчить наказания, налагаемые на колодников, и не смягчили их; речь шла лишь об ускорении решения их участи и смягчении их положения во время предварительного заключения до определения «должного по законам наказания»⁶⁶.

Следовательно, рассмотренные меры были направлены к тому, чтобы пресечь выступления трудящихся масс «из пределов своего звания и должности», т. е. чтобы обеспечить их полное повиновение владельцам и властям.

В условиях обострившейся борьбы народных масс против крепостного гнёта правительство Екатерины II, оберегая существовавший строй при помощи системы жесто-

⁵⁵ ПСЗ. Т. XVI, № 11593.

⁵⁶ Там же, №№ 11593, 11678, 11790, 11843; Т. XVII, № 12633.

⁵⁷ Там же. Т. XVI, № 11678; Т. XVIII, № 12966.

⁵⁸ Там же, № 11667.

⁵⁹ Там же. Т. XVIII, № 12894 и мн. др.

⁶⁰ Там же. Т. XVI, № 11750.

⁶¹ Там же. Т. XVII, № 12578.

⁶² Там же. Т. XVI, № 11750.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, № 11750.

⁶⁵ Там же, № 11750.

⁶⁶ Там же, № 11750.

чайших расправ, старалось внушить народным массам, что его деятельность правдива, законна, построена на великодушии и милосердии

Так взгляды «просвещённый абсолютизм» 60-х годов в применении к народным массам. Но, чтобы более или менее полно представить себе основные стороны политики монархии 60-х годов XVIII в., необходимо коснуться секуляризации церковных имуществ и частично затронуть деятельность Законодательной комиссии 1767 года

Нельзя принять утверждение Екатерины II о том, что в результате секуляризации «монастырских крестьян непослушание одним разом пресекалось»⁶⁷. Для ликвидации волнений монастырских крестьян был привлечён весь арсенал средств государственного аппарата. Секуляризация была одним из них, — разумеется, не главным, однако принесшим монастырским крестьянам кое-что положительное.

Во-первых, бывшие духовные крестьяне, став экономическими, получили в пользование не только те земли, которые обрабатывали на себя, но и большую часть тех, на которых протекала их барщина в пользу духовных феодалов; по повинностям они были приравнены к государственным крестьянам⁶⁸. Во-вторых, ликвидировалась «ненавистная», даже по характеристике кн. Куракина, духовная администрация, и вводились «казначей и депутаты по делам духовных вотчин»⁶⁹, произвол которых до известной степени ограничивался: они не собирали оброка, на них разрешалось жаловаться⁷⁰. В-третьих, перевод из-за малоземелья экономических крестьян из уезда в уезд предписывалось производить по их желанию; им разрешалось продать имущество на прежнем местожительстве, с них в течение полутора лет снималась уплата оброка и т. п.

Русский дворянин, отвечавший на известную «задачу» Вольного экономического общества, сравнивая положение экономических крестьян с положением помещичьих, писал, что первые, по сравнению со вторыми, «платят самонаименьший оброк, волны в своих работах, чем кто хочет, тем и промышляет.»⁷¹

Конечно, автор этих строк — крепостник — сильно преувеличил «лёгкость» жизни экономических крестьян и их «волю». Весьма переоценил значение секуляризации для крестьян и В. Семевский, утверждавший, что она принесла крестьянам «громдную выгоду», «была великой и благодатной для крестьян реформой»⁷².

В результате секуляризации положение бывших духовных крестьян, конечно, несколько улучшилось. Не случайно в последующие после секуляризации годы помещичьи крестьяне в челобитных, пасквильных письмах и т. п., обвиняя помещиков «в налагании несносных работ, во взятые великих денежных оброков и в прочих разорениях»⁷³, просили быть «отписаны на государя», «отбыть от помещиков», получить возможность жить «против монастырских крестьян» (как экономические)⁷⁴.

Секуляризация была проведена под давлением массового движения монастырских крестьян. Это неоднократно признавала сама Екатерина II. Это подтверждается и тем, что на протяжении всего царствования Екатерины II правительство, за редким исключением, не раздавало экономических крестьян в частное владение, несмотря на постоянное и настойчивые требования отдельных дворян⁷⁵.

Некоторое вынужденное улучшение положения бывших духовных крестьян испытывалось правительством, так же как и ограничение пыток (и, пожалуй, с такими же последствиями), для внедрения в сознание народа мысли о том, что государственная власть заботится «обо всех». Недаром Екатерина II, объясняя проведение секуляризации, в манифесте по этому поводу писала: «Мы . одно то положили на сердце, чтоб общее народа нашего благо нашим собственным благополучием почитать»⁷⁶.

⁶⁷ Сб. РИО. Т. 27, стр. 174.

⁶⁸ ПСЗ. Т. XVI, № 12226, Т. XVII, № 12570, § 66, Т. XIX, № 13187, ст. 95, № 13590, стр. 218.

⁶⁹ Там же Т. XVII, №№ 12296, 12745.

⁷⁰ Там же Т. XIX, №№ 13487, 13590.

⁷¹ Цит. по В. Семевскому. Указ соч., стр. 778.

⁷² В. Семевский Указ соч. Т. II, стр. 255, 285, 1901.

⁷³ ЦГАДА Р. 10, д. 450, т. I, лл. 379—387, Сыск приказ, оп. 372/1, в. 258, д. 4874, л. 4; Розыск экспед., оп. 373/1, в. 58, д. 868, л. 78.

⁷⁴ Там же I Д/С. 199/3770, д. 190; 197/3768, д. 138 Р. 10, т. 450, т. I, л. 381.

⁷⁵ В. Семевский Указ соч. Т. II, стр. 274 и сл., 285, 286.

⁷⁶ ПСЗ. Т. XVI, № 12060, стр. 551.

«Общим народом благом» обосновывался и созыв Законодательной комиссии 1767 года. «...Наше намерение,— говорится по случаю созыва Комиссии в именном указе от 14 декабря 1766 г.,— есть всё устраивати ко благому для всех вообще и всякого особо...». «Наше первое желание,— читаем там же,— есть видети наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться...»⁷⁷.

Обеспечив господствующее положение дворянству⁷⁸, правительство, как и в других случаях, выдавало свои укрепляющие дворянскую монархию мероприятия за заботу «обо всех». Поле для такого рода деятельности было достаточно широким. Право прислать депутатов с наказами о «нуждах и недостатках» получили пахотные солдаты, разных служб служилые люди, государственные черносошные и ясачные крестьяне, неkochующие народы, «какого бы они закона ни были, крещёные или не крещёные», казаки, запорожцы.

Депутаты созывались, как торжественно заявлялось в указе, для того, «чтобы лучше нам (государю.— П. И.) узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа...»; «...Депутатов... мы созываем,— указывалось там же,— не только для того, чтоб от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но ч допущены они быть имеют в комиссию, которой дадим наказ и обряд управления для заготовления проекта нового уложения...»⁷⁹.

«Просвещённость» самодержавия 60-х годов XVIII в. по отношению к народу была лишь ширмой узкой корысти и грубого насилия эксплуататоров⁸⁰; она помогала одурманивать народное сознание, укрепляя в нём веру в «хорошего царя»; рекламные заботы правительства «обо всех» прикрывали его истинные заботы о господствующем классе.

Боязнь «грядущей беды» вызвала со стороны правительства Екатерины II мероприятия и по отношению к господствующему классу, получившие толкование актов «просвещённого абсолютизма». В чём существо этой стороны деятельности «просвещённого» самодержавия 60-х годов XVIII века?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, достаточно рассмотреть «просвещённость» царизма относительно помещиков и владельцев приписных крестьян, т. е. основных групп душевладельцев России того времени.

Екатерина II писала, что сразу же по вступлении на престол одним «из первых» её «попечений было привести паки в послушание и в усмирение тогда против заводов содержателей бунтующих крестьян»⁸¹. Она же отмечала, что против заводских крестьян «не единожды» применялось «оружие и даже до пушек»⁸².

Жесточайшим образом расправляясь с борющимися против крепостнического гнёта приписными крестьянами, правительство Екатерины II пыталось влиять и на заводладельцев в целях предотвращения их злоупотреблений. Это, между прочим, рассматривалось правительством, как одно из средств устранения протеста заводских крестьян. Действия правительства в этом направлении отразились в именном указе от 9 апреля 1763 г «О даче всем заводчикам копий с учреждения, сделанного на Ижевском и Воткинском графа Шувалова⁸³ заводах»⁸⁴.

⁷⁷ ПСЗ. Т. XVII, № 12801.

⁷⁸ О том, что это было именно так, говорит бюрократически-сословный характер состава депутатов. В Комиссию посылали: 1) Сенат, Синод, коллегии и канцелярии, исключая губернские и воеводские, по одному депутату от каждого из «сих мест»; 2) дворянство по одному депутату от каждого уезда; 3) горожане по одному депутату от каждого города; 4) некоторые недворянские сословия по одному депутату от каждой провинции. Помещичьи и экономические крестьяне — огромное большинство населения страны — не получили права послать депутатов в комиссию и представить ей свои «нужды и чувствительные недостатки» (ПСЗ. Т. XVII, № 12801).

⁷⁹ ПСЗ. Т. XVII, № 12801.

⁸⁰ См. В. И. Ленин Соч. Т. 16, стр. 155. 4-е изд.

⁸¹ Сб. РИО. Т. X, стр. 32—33.

⁸² Там же. Т. XXVII, стр. 174.

⁸³ В это время Ижевский и Воткинский заводы были уже государственными.

⁸⁴ ПСЗ. Т. XVI, № 11790.

В связи с «многими известиями» «о взмущениях крестьян, приписных к разным рудничным заводам», говорилось в указе, правительство вынуждено было послать комиссию, которой поручалось как приведение крестьян «к надлежащему подобоустрастию», так и установление «прямых причин», «отчего сие учинилось». Из доклада комиссии возникли «Генеральное наставление» и «Учреждение». Берг-Коллегии предписывалось и то и другое объявить «заводов содержателям» «сколь для известия, столь и для полезного учреждения...».

Достоинно внимания объяснение причин протеста приписных крестьян. «Берг-Коллегия,— читаем в «Наставлении»,— имеет всем заводчикам объявить, что крестьяне, яко не сами, к послушанию причину, но, по простоте своей, поверили людям злоумышленным и потому работу, якобы по указу покинули, за что те и наказаны, а сверх того, как выше писано, и отягощение крестьянам столь было безвременно и велико, что уравнение между работою их и заработком совсем потеряно...» Несколько ранее в том же «Наставлении» как «крайнее разорение» для крестьян охарактеризованы удалённость местожительства их, злоупотребления заводской администрации и т. п.⁸⁵

Следовательно, наряду с тем, что виновными признавались крестьяне (за свою «простоту») и «люди злоумышленные», в наставлении законодательного порядка заводладельцам совершенно определённо указывалось, что они тоже повинны в наличии протеста приписных крестьян: они «отягощали» последних, а это, по мнению комиссии, «не могло иного произвести в крестьянах, как крайнее огорчение».

Виновность заводладельцев отмечается и в другом месте «Наставления». После слов «отягощение крестьянам столь было безвременно и велико, что уравнение между работою их и заработком совсем потеряно», говорится: «...то в случае таком содержатели заводов не могут совершенно всех ими претендуемых убытков на крестьянах взыскивать; а надобно им самим с крестьянами на некоторый договор примирительный пойти, потому что и для самих содержателей заводов не полезно, чтоб крестьяне, приписанные к заводам, совершенно были разорены»⁸⁶

Важно, однако, заметить, что под «отягощением» и «разорениями» крестьян подразумевался не весь крепостной гнёт, падавший на них, а только излишняя удалённость их местожительства, злоупотребления заводской администрации, отсутствие «уравнения между работою и зарплатою», т. е. прямые поводы, а не причины протеста заводских крестьян.

Лишь устранение злоупотреблений заводладельцев и заводской администрации имело в виду и вводимое «Учреждение». Оно предписывало: во-первых, крестьянам работать только на тех заводах, к которым они приписаны, при переводе их с одного завода на другой оплачивать дни пути; во-вторых, работа крестьян должна длиться 4 месяца в год при чередовании партий, с тем чтобы одной и той же не приходилось постоянно работать в летнюю пору; в-третьих, произвести «расчёт работ», но «положенные работы выработать без недостатка»; в-четвёртых, «заводскому управителю накрепко подтверждается, отнюдь не для чего на крестьян более работ не накладывать, сколько по числу подушного оклада следует им заработать; в-пятых, крестьянам выбирать сотников, старост, спорные дела решать миром, который мог жаловаться на управителей («удержка заработной платы», «мучения» и т. п.) и т. д.⁸⁷

После всего сказанного естественными будут вопросы: пыталось ли правительство проверять выполнение «Наставления» и «Учреждения» и что «Наставление» и «Учреждение» практически принесли заводским крестьянам?

Ещё в 1766 г. Горная комиссия имела «рассмотрение о всех приписных к заводам крестьянах... каким образом всех вообще и ко всем заводам приписных по указам правительствующего Сената государственных крестьян переписать по заводам не выбором, но по единственному на всё вообще и генеральному о том государственному, установленному правилу»⁸⁸; по свидетельству Екатерины II, подтверждаемому высочайше утверждённым докладом Сената, волнения приписных крестьян продолжались на протяжении всех 60-х годов XVIII века⁸⁹. Очевидно, дело ограничилось тем, что

⁸⁵ ПСЗ. Т. XVI, № 11790

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Т. XVII, № 12684 п. 11

⁸⁹ Сб. РИО. Т. XXVII, стр. 174; ПСЗ Т. XVI, № 12183.

правительство, напомнив заводовладельцам о «грозящей беде» и указав на их частичную виновность в этом, давало им наставление законодательного порядка о необходимости ограничить произвол по отношению к приписным крестьянам.

Что же касается помещиков, то в законодательстве 60-х годов XVIII в. отразилась единственная более или менее существенная попытка правительства ограничить произвол власти дворян над крестьянами. Эта попытка проявилась в запрещении продавать «подданных» в течение трёх месяцев со дня публикации указов о рекрутских наборах⁹⁰.

Признавалось, что помещики, «обольстясь большею ценою посредством продажи за других в службу и из целой деревни выбирая лучших людей», продают их «и чрез то оставших своих крестьян» доводят «до крайнего разорения и бедности»⁹¹. При этом следует отметить два обстоятельства, показывающие желание правительства обелить землевладельцев: во-первых, будто «до крайнего разорения и бедности» крестьяне доводились только торговлей ими во время рекрутских наборов; во-вторых, будто торговали крестьянами не все помещики, а лишь те, «кои алчут только о своих прибытках, а о пользе общей не радеют, и кои же по распутному житию всеми мерами стараются о приобретении имений единственно на роскошное себе прожитие, не соответствующее их состоянию...»⁹².

Шире и глубже ставился вопрос Вольным экономическим обществом и наставлением законодательной комиссии 1767 г. («Наказом Екатерины II»).

Вольное экономическое общество, возникшее по «примеру неуспешных... стараний» царской власти «о всех частях пользы народной»⁹³, об «общем благе», ставило своей задачей «...открыть недостатки (в «домостроительстве». — П. И.) и изыскать полезные к отвращению тех недостатков средства»⁹⁴, употребляя выражение Екатерины II, «ко исправлению земледелия и домостроительства»⁹⁵.

«Общество» призывало к «общей» и «народной пользе»⁹⁶ «истинных», «усердных патриотов»⁹⁷ сообщать ему «об особенных домостроительствах», «примеченных недостатках» и т. п.⁹⁸. От членов «Общества» уставом требовалось, «чтоб каждый... подал во всякую треть года по крайней мере одно такое сочинение, которое бы... могло быть напечатано под титулом: труды В. Э. О. к поощрению в России земледелия и домостроительства»⁹⁹.

Из приведённых высказываний, принадлежавших членам правительства, в том числе и Екатерине II, следует, что недостатки были присущи всему «земледелию и домостроительству», а не только имениям помещиков, ведших «распутное, роскошное прожитие», о чём заявлялось в рассмотренном выше законодательном акте.

О характере недостатков, имевшихся во всём «домостроительстве» и волновавших как членов Вольного экономического общества, среди которых было немало лиц, входивших в правительство так и Екатерину II, говорит автор «Дружеских советов благородным сельским жителям».

«Самая трудность,— писал он,— состоит в том: каким образом... привести каждого земледельца к наблюдению собственной его и всеобщей пользы и чрез то отвратить бы все препятствия, которым подвержено домостроительство»¹⁰⁰. Следовательно, основной задачей «Общества» было изыскание путей, которые должны были привести земледельца к соблюдению «собственной его и всеобщей пользы», т. е. устранению сопротивления помещичьих крестьян растущему крепостническому гнёту.

На страницах «Трудов» Вольного экономического общества наряду с разного рода агротехническими советами¹⁰¹ в целях «исправления земледелия и домостроительства»

⁹⁰ ПСЗ. Т. XVII, № 12748; Т. XVIII, №№ 13103, 13287.

⁹¹ Там же, № 12748, гл. 1, п. 1.

⁹² Там же.

⁹³ «Труды ВЭО». Ч. I. «Посвящение».

⁹⁴ Там же. «Предупреждение».

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. Устав, гл. II, п. 5, гл. 4, п. 13.

⁹⁷ Там же. Устав. Вступление, гл. 4, стр. 13.

⁹⁸ Там же. «Предупреждение».

⁹⁹ Там же. Устав, гл. 4, п. II.

¹⁰⁰ Там же. Ч. VI, стр. 8—9.

¹⁰¹ Там же. Ч. I, стр. 2, 57, 69; ч. II, стр. 1 и др.

печатались материалы «о строении жилых покоев для простого народа», чтобы «зловредью оногo весьма вредительно» не было¹⁰², «о заведении запасного хлеба»¹⁰³. Общество представляло «публике для решения из награждения следующую задачу: что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны»¹⁰⁴.

Один из членов Вольного экономического общества, гр. Р. Воронцов, в статье «О способах к исправлению сельского домостроительства», отметив, что он знает «довольно разные неурядки, происходящие в деревнях от грубых поступков над крестьянами», предлагал: во-первых, учредить суд «из самих себя» (из крестьян); во-вторых, всячески поощрять «искусных и трудолюбивых крестьян» (лаской, похвалой, освобождением от повинностей); в-третьих, «весьма нужно, — говорил он, — чтоб дни, где деревни на издelle господском, а не на оброке, установленные для их работ, порядочно наблюдались, и чтоб в те дни на господскую работу отнюдь посыланы не были, и всякой бы земледелец знал, когда ему можно какую работу исправлять, и тем не сделать бы в его собственном хозяйстве большого помешательства...»¹⁰⁵.

«Прямая должность господина, — писал уже цитированный автор «Дружеских советов», — есть та, чтоб быть в благочестии примером и в исполнении добродетелей первым, к подвласным своим быть щедрю и милосиву, размеривая наказания без жестокосердия... недостатки исправлять со смирением; облегчать их (крестьян. — П. И.) тягостные труды и от всяких междоусобных ссор отвращать и собственным своим примером побуждать к миру и тишине»¹⁰⁶.

Тот же автор «Дружеских советов» осуждает «излишества», рекомендует дворянам «знать меру», призывает их последовать «щедротам» Екатерины II. Хотя, пишет он не без понимания направления «щедрот» императрицы, «лопечение её (Екатерины II. — П. И.) не на одних благородных простираются, но и несчастно рождённые покров и милость её ощущают», «предмет истинного вашего (землевладельцев. — П. И.) блаженства есть повиновение ваше высочайшим ея благоволениям»¹⁰⁷. «Поправить крестьян и привести их в такое состояние, чтобы они были полезны помещику и отечеству, необходимо; надлежит оставить большую часть пиров и других разорительных забав... О вредная неумеренность! — восклицает он в конце своего сочинения, — ты настоящая дочь безумия»¹⁰⁸.

Таким образом, кроме констатации «недостатков в земледелии и домостроительстве» (той же «грядущей беды»), кроме признания ээ дворянами частичной их виновности в этом. «Общество» не пошло дальше призывов общего характера, обращённых к землевладельцам, чтобы они прекратили «излишества», «вредную неумеренность», т. е., чтобы помещики избегали злоупотреблений крепостным правом. Как мы видим, и в данном случае говорится об устранении непосредственных поводов протеста помещичьих крестьян, а отнюдь не причин, его вызывавших.

Устранить «вредную неумеренность» помещиков, но более конкретно и существенно, намечалось и «Наказом», который, как известно, обсуждался приближёнными императрицы и который после того, как одна из его глав была основательно «вымарана»¹⁰⁹, являлся наставлением комиссии 1767 г. в её законодательной деятельности.

«Наказом» намечался пересмотр системы наказаний, затрагивалась и власть помещиков над крестьянами.

Пересмотр системы наказаний, системы «способов, препятствующих вогнездиться преступлениям» и «возвращающих беспокойных людей на путь правый и в порядок

¹⁰² «Труды ВЭО». Ч. I, стр. 116.

¹⁰³ Там же. Ч. II, стр. I и сл.

¹⁰⁴ «Труды» ВЭО. Ч. IV, стр. 201—202.

¹⁰⁵ Там же, стр. 1—7 и сл.

¹⁰⁶ Там же. Ч. VII, стр. 7.

¹⁰⁷ Там же. Ч. VI, стр. 10, 15, 17.

¹⁰⁸ Там же, стр. 28—29.

¹⁰⁹ См. об этом «Наказ имп. Екатерины II, данный комиссии о соч. проекта нового уложения». Под ред. Н. Чечулина. СПб. 1907; Екатерина II, «Записка 1779 г.». — Сб. РИО. Т. XXVII, стр. 175.

установленный»¹¹⁰, шёл по линии замены «жестокости» наказаний «умеренностью» и обосновывался желанием не «мучить тварь, чувствами одарённую» (ст. ст. 66, 205). На самом деле, как говорится в том же «Наказе», это обуславливалось тем, что действовавшая система наказаний не только не давала желательных результатов, но была вредна, опасна «порядку установленному». «Законы, переходящие меру во благо, бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное» (ст. 65).

«Зло безмерное» названо своим именем в 92, 95, 210, 211, 212 и других статьях «Наказа». Приведём одну из них: «В повестях пишут о воспитании детском у японцев, что с детьми надлежит поступать с кротостью для того, что от наказаний в сердце их вселяется ожесточение; также, что и с рабами не должно обходиться весьма сурово, ибо они тогчас к обороне присгупают» (ст. 92).

Иначе говоря, «злом безмерным» для «порядка установленного» были «ожесточения», «оборона рабов», т. е. самые разнообразные формы классового протеста различных групп трудящегося населения, а так как это «зло» умножалось законами, «преходящими меру», то эти «жестокые законы» следовало заменить более умеренными. По мнению составителя «Наказа», это способствовало бы устранению опасности, угрожавшей существовавшему социально-экономическому и политическому строю Пагуа за подобный шаг, автор «Наказа» тем самым признавал рост протеста народных масс против крепостнического гнёта.

Провозглашая замену «жестокой» системы наказаний «умеренной», автор не сомневался в действенности последней: «Искусство научает нас, что в тех странах, где кроткие наказания, сердце граждан оными сголько же поражается, как и в других местах жестокими» (ст. ст. 85, 86)

«Поразить сердца граждан кроткими законами», «столько же» как и «жестокими», и тем самым удержать «граждан» от «пути неправого» в «Наказе» намечалось при помощи определённости, скорости, обязательности и известности наказаний (ст. ст. 205, 220, 221, 222).

Словом, сохранения существовавшего социально-экономического и политического строя предполагалось достичь путём более тонкого, гибкого использования системы наказаний. Во всём этом нетрудно найти известное созвучие с выше охарактеризованным ограничением пыток в 60-х годах XVIII века. Понятно, что рассмотренная часть «Наказа» при его обсуждении придворными осталась почти без изменений.

Вторая мера, намеченная в «Наказе» для устранения «зла безмерного», заключалась в ограничении произвола землевладельцев относительно крестьян¹¹¹. «Гражданское общество так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают (господа помещики — П. И.), а другим, которые повинуются» (крепостные крестьяне. — П. И.), — говорится в 250-й ст., начинающей известную II-ю гл. «Наказа».

Наличие «повелителей» и «исполнителей», требуемое «известным порядком гражданского общества», и было, как повествуется далее в «Наказе», началом «всякого рода покорности» (крепостной зависимости) (ст. 251). Но так как, заявлялось от лица государя в следующей, 252-й ст., «закон естественный повелевает нам, по силе нашей власти, о благополучии всех людей пецися... обязаны мы состояние сих подвласных

¹¹⁰ «Наказ имп. Екатерины II.», ст. ст. 61, 78. В дальнейшем изложении ст. «Наказа» будут указываться в тексте.

¹¹¹ Известно, что эта часть «Наказа» подверглась «маранию» со стороны придворных. Здесь она берётся в окончательной редакции. О первом её варианте одобительно отзывались Г. Орлов (Сб. РИО, т. 27, стр. 175—176), М. Воронцов (там же, т. 10, стр. 76), А. Бибииков (там же, стр. 76—77), В. Баскаков (там же, стр. 75—77); представители духовенства епископы Гавриил и Инноксий и иеромонах Платон (И. Снегирев Жизнь Московского митрополита Платона, стр. 117, 118. Москва 1856) Совпадающие с содержанием «Наказа» мысли высказывали князь Голицыны (Сб. Моск. Арх. Мин. Ин. дел, вып. II, стр. 97, 104., 107. М. 1881; В. Семевский. Крестьянский вопрос. т. I, стр. 24—31, 35, 47, 48. 1888. То же можно сказать и об И. Елагине (Журн. землевладельцев № 21 за 1859 г., стр. 9—32; за тот же год № 22, стр. 135—184).

Екатерина II, конечно, преувеличивала, когда говорила, что её «Наказ» одобряют до 600 лиц (Сб. РИО, т. 10, стр. 35—36), но кое-какие основания сказать так у неё были. Высказывания о необходимости частично ограничить «прихоть» помещиков над крестьянами имеются и в дворянских депутатских наказах 1767 года (Сб. РИО, т. IV, стр. 228, 276, 423—424, т. VIII, стр. 483)

(помещичьих людей и крестьян.— П. И.) облегчать, сколько здравое рассуждение дозволяет».

«Здравое рассуждение», «повелеваемое естественным законом», «дозволяло», во-первых, избегать «приводить людей в неволю» без «крайней необходимости»; во-вторых, «отвращать злоупотребления рабства» (ст. ст. 253, 245). Осуществить последнее предполагалось через восстановление невыполняемого требования, исходящего из известного узаконения Петра I об опеке над «расточительными», «подданных своих мучащими» помещиками (ст. ст. 256, 428—438); через наказание тех, «кто с рабом поступал сви-репо» (ст. 259).

В-третьих, не отвергалась идея необходимости «освобождения рабов», осуществление которой, однако, должно было быть постепенным (ст. 260). Начиналось такое «освобождение», по «Наказу», «учреждением законами» «нечто полезного для собственного рабов имущества» (ст. 261), а также «весьма нужным предписанием помещикам, чтобы они с большим рассмотрением располагали свои борозы» (ст. 270)

В «Наказе» признавалось также необходимым соблюдать умеренность и во всех государственных налогах. «...налоги в государстве,— читаем в 601-й ст. «Наказа»,— суть как парусы на корабле для безопасного оному надёжным путём течения и приведения к намеченному пристанищу, а не для обременения беспристанного по морю плаванья, и, наконец, для губительного в пучине погружения».

«Облегчение состояния подвластных» вызвано, говоря словами автора «Советов», отсутствием «мира и тишины» в «домостроительстве». Весьма нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто привели в неослушание рабов против своих господ...» (ст. 263) Существо «забот» об «облегчении состояния подвластных» особенно красноречиво выражено в письме Екатерины II к генерал-прокурору кн. А. Вяземскому (1767 год). «Пророчествовать можно,— писала императрица,— что если за жизнь одного помещика в ответ и в наказание будут истреблять целые деревни, то бунт всех крепостных деревень воспоследует, и что положение помещичьих крестьян таково критическое, что, кроме тишиной и человеколюбивыми учреждениями, ничем избегнуть не можно.. не имел обороны ни в законах и нигде, следовательно, всякая малость может их привести в отчаяние...». «Прошу быть весьма осторожным,— говорит она в заключение,— дабы не ускорить и без того довольно грядущую беду, если в новом узаконении не будут взяты меры к пресечению сих опасных следствий. . если мы не согласимся на уменьшение жестокостей и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно»¹¹².

Стало быть, речь шла не о предупреждении причин, которые вызвали столь активный протест народных масс, как говорится в приведённой выше 263-й ст. «Наказа», ибо устранить названные причины означало изменить весь общественно-экономический и политический строй, а лишь об «уменьшении жестокости и умерении человеческому роду нестерпимого положения», т. е. речь шла об ограничении произвола, эксплуатации крестьян землевладельцами, об ограничении произвола власти последних над первыми.

На эти меры, по совершенно определённым заявлениям, имеющимся и в «Наказе» и в цитированном письме Екатерины II, землевладельцы должны были пойти, чтобы «сохранить «порядок установленный», чтобы предотвратить «грозящую беду», «бунт всех крепостных деревень».

Призыв к землевладельцам пойти на эти вынужденные шаги сочетался в «Наказе» с обещанием продолжать политику, обеспечивающую феодалам широкое участие в таких сферах хозяйственной жизни страны, как торговля и промышленность (гл. 13 «О рукоделии и торговле», особенно ст. ст. 313, 317)¹¹³. Это было как бы своеобразной компенсацией им за тот «ущерб», который вытекал из ограничения их произвола в эксплуатации крестьян.

Итак, наряду с констатацией особой остроты классовых противоречий, признанием частичной виновности в этом землевладельцев «Наказ» отмечал неэффективность «же-

¹¹² «Осмнадцатый век», кн. 2-я, стр. 390—391.

¹¹³ Экономическая политика русского правительства этого времени характеризуется проф. П. Лященко как политика, направленная «под видом провозглашения «свободы» торговли и промышленности к расширению прав поместного дворянства в этой области». П. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I, стр. 417. 1947.

стоких» мер сохранения существовавшего строя и в качестве путей, призванных обеспечить «порядок установленный», выдвигал смягчение системы наказаний и ограничение произвола власти землевладельцев над крестьянами.

Из всего изложенного видно, как ошибались досоветские историки крестьянского вопроса, когда появление «либеральных ноток» в «умствованиях» 60-х годов XVIII в. объясняли «западными влияниями»¹¹⁴. Причины появления этих «ноток» крылись в ожесточённых классовых противоречиях, а содержание этих «ноток» состояло в попытках правящих кругов обезопасить существовавший общественный строй.

Доводился ли «Наказ» до сведения землевладельцев?

На заседаниях комиссии 1767 г., которой он предназначался в качестве паставления в её законодательной деятельности, «Наказ» неоднократно читали¹¹⁵. По указам Сената от 24 сентября 1767 г., от 28 марта и 28 апреля 1768 г. 57 экз. «Наказа» и «Прибавлений» к нему были разосланы в коллегии и канцелярии, исключая губернские, провинциальные и воеводские, с тем чтобы «присутствующие» (высшие чины) могли себя «приготовить» для дальнейшей деятельности. Причём категорически запрещалось «нижним канцелярским служителям» этих звеньев государственного аппарата, а также «посторонним» даже читать названные документы¹¹⁶. Однако в общих чертах содержание «Наказа» всё же доводилось до сведения массы землевладельцев.

Манифест и обряды, наполненные сообщениями о заботах государыни о «милосердии», об «общей пользе», трижды читались в церквах дворянам; кроме того они сообщались под расписку¹¹⁷; к чтению их землевладельцы возвращались во время выборов депутатов и составления «Наказов»¹¹⁸. Эти документы свободно продавались по сравнительно недорогой цене¹¹⁹. Архивные материалы показывают, что помещики знали их¹²⁰. «Великое дело» императрицы прославлялось и в газетах, например, в «Московских ведомостях»¹²¹.

В виде общего итога следует сказать, что правительство Екатерины II, охраняя с помощью лжи, демагогии, а также жесточайших расправ над трудящимися «имения и правости» господствующего класса, предостерегало господствующий класс об опасности, грозящей всему существующему социально-экономическому и политическому строю. Правительство видело частичную виновность господствующего класса в развитии этой опасности и делало попытки ограничить произвол эксплуатации, произвол власти помещиков над трудящимися. Если по отношению к заводовладельцам это делалось в виде наставления законодательного порядка, то в отношении помещиков, которым обещалась компенсация «ущерба», использовались лишь печать, выступления представителей правительства, а также наставление предполагаемого уложения.

Таковы некоторые существенные черты «просвещённого абсолютизма» в России 60-х годов XVIII столетия.

¹¹⁴ С. Соловьёв. История России, кн. VI, стр. 338—348. 2-е изд.; В. Семевский. Крестьянский вопрос, стр. 38—41, 48. 1888; С. Брюлова. Общественные идеалы. «Вестник Европы» № 1 за 1876 г., стр. 50—55.

¹¹⁵ ПСЗ. Т. XVIII, № 12978.

¹¹⁶ Там же, №№ 12977, 13092, 1307.

¹¹⁷ Там же, № 12801, пп. 1, 2; Мособлархив, ф. МГК, в. 2365, д. 4, л. 6—9.

¹¹⁸ Там же, № 12801. В, п. 17.

¹¹⁹ «Московские ведомости» от 23 и 30 января, от 2 февраля 1767 года.

¹²⁰ Мособлархив, ф. МГК, в. 2362, д. 1, 2; в. 2365, д. 1, 2, 3.

¹²¹ «Московские ведомости» от 9 января, 2 и 3 февраля, 20 марта и 4 мая 1767 года.